

Жак Годшо

О КНИГЕ Ф. ФЮРЕ

Французский ежегодник 1979

М.: Наука. 1981. С. 255-260

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на тематические материалы - в конце файла

Вероятно, удивятся, увидев объединенными в одном обзоре работы двух авторов¹, которые, несомненно, не знакомы друг с другом, по крайней мере не ссылаются один на другого, но пришли к сходным выводам: французская революция — создание главным образом историков. В этом угадывается одна из излюбленных идей А. Коббена: французская революция — миф.

Книга Ф. Фюре имеет изысканно-претенциозное заглавие — «Размышляя о французской революции». Подобное название скорее подошло бы для труда, написанного одним из тех историков, которые провели всю жизнь в архивах, изучая историю революции. Ф. Фюре же знает революцию по некоторым диссертациям и книгам. Он опубликовал о ней только популярную работу, впрочем, в сотрудничестве с Д. Рише, работу интересную и имевшую успех, но более близкую к сочинению журналиста, чем к исследованию. Поэтому возникает вопрос: были ли у Фюре основания для «размышления о революции»?

Но рассмотрим его книгу подробнее. Она состоит из двух частей. Первая озаглавлена «Революция закончена» и содержит 109 страниц, около 2/5 тома. Вторая под заглавием «Три возможных истории французской революции» объединяет три этюда. Первый — «Революционный катехизис» (59 страниц) — был опубликован в «Annales»² и здесь воспроизведен с небольшим добавлением в пять страниц, касающихся состояния старого порядка в XVIII в. Второй — «Токвиль и проблема французской революции» — представляет собой статью, появившуюся в сборнике в честь Раймона Арона также в 1971 г.³ (38 страниц). Лишь третий этюд является новым; он носит название «Огюстен Кошен: теория якобинизма».

«Французская революция закончена!» — вот что пишет и чего желал бы Ф. Фюре. Ему хотелось бы, чтобы ее историю можно было изучать так же, как историю меровингских королей. Но он полагает, что историк революции должен «проявить не только свою компетентность, но и свою „окраску“». Сначала он обязан сказать, из чего он исходит, что он думает, какую ставит цель. Ведь то, что он пишет о революции, обусловлено его взглядами, которые были у него до того, как он приступил к исследованию. Пусть он выскажет свои взгляды и этим будет сказано, кто он: монархист, либерал или якобинец».

Революция, увы, не окончилась. У нее по-прежнему есть коварные враги, подстерегающие благоприятный момент, чтобы разрушить ее завоевания. Ф. Фюре, несомненно, слишком молод, чтобы помнить, как вишистский режим хотел отомстить не только Народному фронту, но также и революции. Права человека, провозглашенные в 1789 г., были уничтожены, свобода и равенство преданы забвению, франкмасонство, которое было

* Перевод рецензии Ж. Годшо, опубликованной в журнале «Annales historiques de la Révolution française» (1979, N 1).

¹ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978, 262 p. (Далее ссылки на эту книгу даны в тексте); Roberts J.-M. The French Revolution. Oxford University Press, 1978. X — 176 p.; Idem. The Mythology of the Secret Societies. London, 1972, X — 370 p.

² Annales. Economies. Sociétés. Civilisations, 1971, mars—avril.

³ Mélanges en l'honneur de Raymond Aron. Paris, 1971.

признано столь же ответственным за французскую революцию, как и законы Третьей республики, запрещено. Историки революции преследовались. Я не буду говорить о тех, кого изгнали из университета за национальность или политические взгляды, а только о тех, кто был отстранен от должности или подвергся гонению единственно потому, что он изучал французскую революцию. Совсем забыли, что моего старого учителя на факультете в Нанси Фредерика Брша сместили только по одной этой причине. Ведь он не был ни робеспьеристом, ни даже жирондистом. Он лишь посвятил свою диссертацию дню 10 августа 1792 г. А книга Жоржа Лефевра о 1789 г., опубликованная к 150-летней годовщине революции в 1939 г., была изъята властями Виши и пущена под нож. Правда, это произошло около 40 лет тому назад. Но опасность, устраненная, по крайней мере на сегодня, всегда грозит возродиться. Разве в этих обстоятельствах возможно, чтобы историки изучали французскую революцию столь же невозмутимо, как они повествуют об истории меровингских королей? В действительности историки революции находятся в том же положении, что и историки последней мировой войны, Сопrotивления и Освобождения. Впрочем, как сказал Жан д'Ормессон, «в нашем веке уже невозможно писать бесстрастно»⁴.

Во всяком случае все историки революции в отличие от историков, изучающих Сопrotивление, имеют возможность пользоваться архивами и работать в них в соответствии с требованиями эрудиции.

Впрочем, Фюре отрицает беспристрастность ученого. Действительно, думает он: «Эрудиция, подстегиваемая треволнениями сегодняшнего дня, не может изменить концепцию проблемы или события» (с. 22). Конечно, после Кроче мы знаем, что «история всегда является современной историей». Тем не менее эрудиция, несомненно, служит самым эффективным средством, позволяющим избежать влияния, оказываемого на историка социальной средой, из которой он вышел, и временем, в котором он живет. Фюре для подтверждения своего положения вспоминает Жоржа Лефевра и его исследования о крестьянах. Его выводы, по мнению Фюре, отражают убеждения борца Левого блока и Народного фронта (с. 22). Но именно в крестьянской проблеме, по признанию Фюре, главной в истории французской революции, эрудиция породила новые точки зрения. У нас уже есть не только работы Лучицкого, Жоржа Лефевра и Поля Буа. Со времени коллоквиума в Тулузе в 1968 г., посвященного ликвидации феодализма, без малого 12 диссертаций, в частности Жана Бастье, Жана Рива, Флоранс Готье, Филиппа Гужара, Жана-Ноэля Люка внесли новое в эту проблему. Но Франсуа Фюре этих работ не знает. Если бы он их читал, то как бы он мог в интервью, появившемся в «Nouvel Observateur» 20 ноября 1978 г., согласиться с заявлением: «Ничто так не похоже на Францию Людовика XVI, как Франция Людовика XVIII» (с. 126). Спрашивается тогда, почему французские крестьяне в течение всего XIX в. были готовы подняться при малейшем слухе о восстановлении десятины и феодального порядка?

Необходимо обновить историографию французской революции, «охладить» ее (с. 24). По мнению Фюре, для этого имеются два пути. Первый: не писать отныне историю революции со ссылками то на левую, то на правую историографию. Но Фюре тотчас добавляет, что правая историография не должна менять своих позиций; левые историки — вот кто ошибался, и именно им следует пересмотреть свои взгляды (с. 25). Второй путь «определяется изменением исторической науки». Иными словами, нужно рассматривать события в пределах «серийной истории» и в «длительном цикле» («la longue durée»). С этой точки зрения мысль о том, что между 1789 и 1794 гг. «социальная или экономическая структура нации была сверху донизу обновлена», весьма сомнительна. «Сверху донизу», безусловно, нет, но, очевидно, что за два года изменилось больше, чем за два предшествовавших века. И в этом случае, чтобы узнать, что же дейст-

⁴ D'Ormesson J. Le vagabond qui passe sous une ombrelle trouée, p. 152.

вительно произошло, необходима эрудиция. Ф. Фюре ссылается на Токвиля, который, конечно, изучал архивные документы и обладал гениальной интуицией, но его изыскания явились только началом и были дополнены работами, и в том числе и диссертациями, перечисленными выше.

На следующих страницах Фюре создает собственную историю революции. Часто трудно следить за его мыслью, тем более что его стиль не свободен от жаргона парижских снобов.

Отметим только, что, по Фюре, во время революции конфликт между народными обществами и представительными собраниями был более острым, чем между революционерами и контрреволюционерами. Робеспьер был в какой-то степени воплощением народных обществ (с. 81). «Спор о честности Робеспьера в противоположность коррупции Дантона представляет университетский вариант (un remake) процесса 1794 г. (наш автор, как это видно, не пренебрегает франко-английским). Между революцией и им (Робеспьером) существует как бы таинство слияния, и это создавало ему более долговечный ореол, чем какому-либо другому лидеру (...) Будучи живым, он воплощал народ намного дольше и с большей убежденностью, чем кто бы то ни было. Когда он умер, его бывшие друзья, превосходно разбиравшиеся в существе дела, приписали ему главную роль в заговоре против республики, не сознавая, что этим они будут содействовать легенде о нем» (с. 82). Однако не нужно видеть в этих словах восхищение Робеспьером, ибо «судьба аррасского адвоката не объясняется его талантами» (с. 84). «В сущности, — добавляет Фюре, — есть два способа ничего не понимать в исторической личности Робеспьера: это ненавидеть его как личность или, напротив, придавать ему слишком большое значение... Робеспьер стал бессмертной личностью не потому, что он господствовал несколько месяцев над революцией, а потому, что революция его устами произносит свою самую трагическую и самую целомудренную речь» (с. 87). В заключение Фюре пишет (с. 108): «Революция является коллективным мнимым представлением о власти, которая прерывает непрерывность и отклоняется к чистой демократии лишь для того, чтобы вернее осуществить на другом уровне традицию абсолютизма». Это означает: революция ничего не изменила, она является мифом, как Коббен уже пытался это доказать.

Я не буду касаться второй части — о революционном катехизисе. Она представляет резкую критику книги нашего друга Клода Мазорика «О французской революции» (Париж, 1970) и работ Альбера Собоуля. Они уже ответили.

Сам я не являюсь историком-марксистом, хотя признаю, что Маркс очень много внес в методологию истории. Однако в конечном счете я предпочитаю ясные и логические выводы Собоуля и Мазорика, чем путаные и туманные рассуждения Ф. Фюре.

Два других этюда посвящены истолкованию работ, одна — Токвиля, другая — Огюстена Кошена. Ф. Фюре часто уже ссылался на их работы в первой части своей книги. Он дает превосходный анализ работ Токвиля, справедливо сопоставляя «Демократию в Америке» и «Старый порядок». Но работы Токвиля он использует как предлог, чтобы снова и снова выступить против «марксистской или близкой к марксизму историографии». Оппозиция в конце старого порядка была порождена не классовыми конфликтами, а «нарушением равновесия между умом и верой: старый порядок оказался слишком старым для того нового, что в нем уже возникло, а французы слишком вольнолюбивыми, чтобы сохранить рабство или, вернее, чувство рабства... Старый порядок был уже мертв к 1789 г.: революция могла его убить лишь в умах, потому что он существовал уже только в умах».

Обращение к совсем забытому реакционному историку «обществ мысли» Огюстену Кошену могло бы показаться на первый взгляд странным. Но оно логично в ходе рассуждений Фюре. Если революция не явилась следствием борьбы классов, если старый порядок на самом деле уже был мертв к 1789 г., то объяснить революцию можно только заговором. Уже

в первой части своей книги Фюре много говорит об идее заговора. И так, кем же он мог быть затеян, этот заговор, если не «обществами мысли»? Об этом уже говорил аббат Баррюэль. Огюстен Кошен попытался это доказать научно, методами, которыми его обучили в Школе хартий. Его работы в момент их появления вызвали серьезную критику как Олара, так и Матьева. Именно Матьева точно охарактеризовал посмертно опубликованную в 1924 г. книгу Кошена «*La Révolution et la libre pensée*», которой Фюре больше всего восхищается. Матьева писал о ней: «Эта систематическая концепция, ставящая целью доказать, что демократия, в силу самого закона своего существования, способна лишь подчинить человека обществу, поработить и его мысль, и его свободу, и его собственность». Именно этот довод привел в восторг Ф. Фюре, полагающего, что О. Кошен лучше всех понял природу якобинизма. Я не хочу приводить здесь опровержение Матьева и отсылку наших читателей к «*Annales historiques de la Révolution française*»⁵. Но заключительные строки Матьева применимы также и к работе Фюре: «Книга г-на Кошена... не имеет ничего общего с историей, происходящей во времени и пространстве. Она принадлежит... к той повой науке, претендующей поглотить все остальные и именующей себя „социологией“. Эта социология витает в облаках». Ф. Фюре думает, что история не простая наука. Безусловно, это верно. Но разве, если ее чрезмерно усложнять, она станет понятнее? «Увы,— пишет Фюре в уже цитированном «*Nouvel Observateur*»,— лишь в книгах по истории упрощается это странное явление: в них говорится, что буря, сотрясавшая Францию и Европу начиная с 1789 г., закончилась спустя десять лет, 18 брюмера, когда Наполеон взял власть и установил во Франции порядок... На самом же деле французская революция — одно из тех событий, очень быстро ставшее культурной и политической мифологией, начало которого можно датировать, но никто не может определить его конец».

Эта книга, конечно, вызывает много размышлений. Но, несомненно, одно: она обрадует всех противников революции.

Книга Робертса⁶ написана в том же духе, но она более простая и менее претенциозная. Бегло и весьма традиционным образом изложил возникновение революции (21 страница), Робертс делит работу на две большие части: революция как разрыв (55 страниц), и революция как непрерывность (35 страниц); затем, после главы о революционной экспансии (22 страницы), следует заключение — революция, история и миф.

К тому времени, когда Ж.-М. Робертс изложил свою теорию разрыва и непрерывности, он не был еще знаком с протоколами коллоквиума, состоявшегося в Гёттингене в мае 1975 г. Они были опубликованы только в июне 1978 г.⁷ Протоколы посвящены тому же вопросу, но Робертс порой приходит к иным выводам. Для него разрыв заключается прежде всего в Декларации прав человека, в августовских декретах 1789 г., уничтожающих «феодалный порядок», тяжесть которого он считает, впрочем, очень ничтожной, что объясняется его незнанием самых последних работ по этому вопросу. Затем он видит разрыв в выработке конституции, административном, юридическом, церковном законодательстве Национального собрания, а также в войне, которой Ж.-М. Робертс обоснованно придает большое значение и которая означала глубокий разрыв, ибо она «радикализовала» революцию. В противоположность Фюре Робертс думает, что война — одна из основных причин террора. Но деятельность Конвента представляла крайнее средство, позволившее Франции выжить; но большая часть сделанного Конвентом, исключая военные мероприятия, не была долговечной. Затем следует «буржуазная республика», но Робертс возражает против такого определения, так как, пишет он, монаньярский Конвент был столь же буржуазным, как термидорианский Конвент (с. 68). Что касается Директории, то она сделала много важного, но не получившего

⁵ ANRF, 1925, p. 179—180.

⁶ Roberts J.-M. *The French Revolution* (далее ссылки на эту книгу даны в тексте).

⁷ Vom Ancien Regime zur Französischen Revolution. Göttingen, 1978.

должной оценки. Насильственные военные перевороты были также разрывом со старым порядком и, наконец, «политизация» французов, новая терминология знаменуют также разрыв.

И в то же время непрерывность. Революция, утверждает Ж.-М. Робертс, сохранила и даже возродила многое из прошлого (с. 78). Например, культ Разума праздновался в средневековых соборах и нигде больше. Были продолжены и даже усилены старания королевского правительства централизовать администрацию Франции. И здесь Робертс, как и Фюре, вспоминает Токвиля. Но главное, что автор видит непрерывность, рассматривая все с точки зрения «длительного цикла». Прежде всего это относится к тенденции в демографической эволюции. Но я думаю, что Дюпакье не разделяет полностью такого мнения, так как он констатирует, что «революция, кажется, сначала довела рождаемость до рекордного уровня» и что «народонаселение Франции возросло несмотря на войны, по меньшей мере на 1 300 000 человек за десятилетие 1790—1799»⁸. Затем — экономическая эволюция. Франция действительно осталась аграрной страной, города почти не выросли за время революции, и правительство вернулось в отношении внешней торговли к протекционизму, от которого отступили только в последние четыре или пять лет старого порядка. Касательно же экономического вмешательства, практиковавшегося Конвентом, то оно было только продолжением и расширением экономического вмешательства, проводимого монархией. Каждодневная жизнь народа, согласно Ж.-М. Робертсу, совсем не изменилась. Воззрения эволюционировали медленно. Несмотря на дехристианизацию и преследование церкви, масса народа оставалась привязанной к религии. Наконец, непрерывность существует и в контрреволюции. Противники философов и реформ при старом порядке возглавили контрреволюционные движения. Можно было бы привести и другие примеры непрерывности, например муниципальные выборы (на основе цензовой избирательной системы) и выборные советы в большинстве сельских коммун на юге Франции, как об этом я уже сообщал в Гёттингене. По поводу революционной экспансии Ж.-М. Робертс замечает, что при старом порядке стоял уже вопрос о *французской Европе*. Великая нация только подхватила эту идею. Война против Австрии и Англии была продолжением войн, которые велись Людовиком XIV, Людовиком XV и Людовиком XVI. Брак последнего с австриячкой был лишь непопулярным эпизодом.

Итак, революция — это история или миф? Если непрерывность одерживает верх над разрывом, тогда революция является мифом. В самом деле, Ж.-М. Робертс пишет: «Очевидно, что революция в некотором роде создание историков. Более того, это создание, которое постоянно обновляется» (с. 127). Итак, представление, составленное о революции, беспрестанно менялось. И автор приводит различные работы о причинах возникновения революции. Больше всего он восхищается Берком, затем Токвилем. Мимолетом он бросает замечание, что Карлейль, которого он также очень хвалит, написавший свою «Историю» в 1835 г., считал, что революция не закончена (с. 140). Любопытное совпадение с идеями Франсуа Фюре. Дойдя до нашего времени, Ж.-М. Робертс с уважением отзывается о Комиссии по экономической и социальной истории революции, публикации которой снабдили историков превосходными материалами (с. 153). Но он отвергает марксистскую историю и критикует понятие «буржуазная революция», ибо, говорит Робертс, во Франции в конце XVIII в. не было буржуазии в том смысле, в каком ее понимали Маркс и Энгельс, т. е. владельцев значительных промышленных и торговых капиталов (с. 146).

Но если революция не является следствием борьбы классов, не была ли она в действительности только заговором? И, совсем как Фюре, Робертс снова возвращается к тайным обществам. Точнее, он исследовал их еще до появления рецензируемой нами книги в работе, изданной в 1972 г.

⁸ Colloque Albert Mathiez — Georges Lefebvre. Voies nouvelles pour l'histoire de la Révolution française. Commission d'histoire économique et sociale de la Révolution française: Mémoires et Documents. Paris, 1978, t. XXXV, p. 36.

Конечно, Робертс не принимает целиком концепцию аббата Баррюэля. Он излагает сперва историю франкмасонства во Франции с начала XVIII в., затем рассматривает нападки на него и секты, отколовшиеся от этого движения. В заключение Ж.-М. Робертс утверждает, что тайные общества лишь слабо воздействовали на зарождение и развитие революции, но что *вера в заговор* тайных обществ имела чрезвычайно важные последствия. И здесь Робертс снова присоединяется к Фюре. Если революция не результат заговора, то, по крайней мере, вера в заговор объясняет в большей части революцию.

Знаменательно, что работы Фюре и Робертса появились почти одновременно во Франции и Великобритании. Как писал Жорж Лефевр в рецензии на книгу Коббена в 1956: «Не приходится сомневаться в том, что [это истолкование революции] отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического натиска... Чувствуя себя в опасности, он отрекается от восстания предков, обеспечивших ему преобладание, потому что видит в нем опасный прецедент»⁹. Это предмет размышления для историка и предмет беспокойства для гражданина.

Франсуа ФЮРЕ

27.03.1927 – 12.07.1997

материалы о нем

и его книге «Размышления о Французской революции»

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#furet>

⁹ *Lefebvre G. Le mythe de la Révolution française.— AHRF, 1956, p. 337—345.*